

Глава 19. Странности

Последняя сцена была запланирована на вторую половину дня. Мо Мин прибыл на съемочную площадку ни свет ни заря, а ближе к полудню, прихватив сценарий, неспешно отправился к трейлеру Ся Цина.

Официально — обсудить роль, на деле же, едва оказавшись внутри, юноша скинул обувь и бесцеремонно забрался на кровать. Попытки ассистента выпроводить гостя не увенчались успехом: Мо Мин лишь состроил обиженную мину и не двинулся с места.

Когда Ся Цин вошел в фургон, он застал Мо Мина лежащим на животе с телефоном в руках. Тонкие лопатки выступали изящными вершинами, а изгиб поясницы, глубоко уходящий вниз, делал линии его тела почти вызывающе плавными.

Заметив вошедшего, Мо Мин приподнялся на локте и искоса взглянул на него:

— Брат Ся, ты уже закончил?

От этого движения подол рубашки задрался, обнажая полоску бледной, бархатистой кожи, которая в полумраке трейлера сияла, словно кусок потаенного дорогого шелка. Ся Цин замер, чувствуя, как внутри вспыхивает невольное желание коснуться этой белизны.

Он отвел взгляд и выглянул в дверь. Был разгар обеденного перерыва: большинство сотрудников группами по два-три человека разошлись по площадке с ланч-боксами. Все спешили закончить последние две сцены, чтобы объявить о завершении съемок, и повсюду слышались зычные крики реквизиторов, подгонявших людей.

На всякий случай Ся Цин не стал закрывать дверь — лишь велел ассистенту предупредить, если кто-то придет, и только после этого присел на край кровати.

— Ты здесь уже как дома, — усмехнулся он. — Будь на твоём месте кто-то другой, я не был бы так щедр.

Мо Мин прищурился и, перекатившись, доверчиво положил голову Ся Цину на колени.

— Я знаю, что брат Ся меня балует... — Юноша протянул руку и, словно котенок лапой, легонько коснулся пальцем кадыка актера. — Только с тобой я осмеливаюсь быть таким...

Дыхание Ся Цина стало тяжелым. Он инстинктивно покосился на выход, но здравый смысл взял верх: он осторожно переложил голову Мо Мина обратно на постель.

— Тише, — голос его прозвучал непривычно хрипло. — Мы на площадке, вокруг люди.

Проведя в статусе топового артиста несколько лет, он не терял бдительности ни на миг.

Лицо Мо Мина мгновенно омрачилось. Он сел, привалившись к стене, и в порыве раздражения закинул ногу Ся Цину на бедро.

— Брат Ся мной брезгует? Из-за того, что я был с Хань Шаочжоу? — угрюмо спросил он.

Ся Цин посмотрел на босую ногу: щиколотка была такой тонкой и белой, что её можно было обхватить пальцами одной руки.

— Как я могу тобой брезговать? Ты же само очарование, — Ся Цин не удержался и начал медленно заводить ладонь под штанину юноши.

— Мы с Хань Шаочжоу расстались, — тихо произнес Мо Мин. — Он сказал, что возвращается тот, кого он любит по-настоящему. Что я ему больше не нужен...

Ся Цин не удивился — это казалось ему закономерным финалом.

— Значит, теперь ты у нас одинокий и всеми брошенный бедолага? — с иронией спросил он.

Мо Мин упрямо сжал губы:

— Я не бедолага. У меня есть ты.

Не в силах больше сдерживаться, Ся Цин наклонился и припал поцелуем к его гладкой лодыжке. Теперь, когда тень Хань Шаочжоу больше не маячила на горизонте, этот хрупкий и беззащитный мальчишка вызывал в нем почти болезненный азарт.

— Сегодня вечером будет банкет в честь окончания съемок. Выпей побольше, — многозначительно прошептал Ся Цин.

Щеки Мо Мина залил нежный румянец:

— Но я совсем не умею пить. Что, если я опьянею?

— Тогда брат Ся сам отвезет тебя домой.

Мо Мин застенчиво улыбнулся и кончиком пальцев ног намеренно, едва ощутимо коснулся живота актера.

— Хорошо...

У Ся Цина перехватило дыхание. Удерживая ногу юноши, он произнес:

— Только учти, если ты будешь со мной, сниматься дальше станет неудобно. Давай так: я буду выделять тебе по сто тысяч в месяц, а ты...

— Если ты будешь рядом, мне и не нужно кино. Завтра же объявлю об уходе из индустрии и о разрыве с Хань Шаочжоу, — послушно пролепетал Мо Мин. — Я буду только с тобой и стану делать всё, что ты скажешь.

— Вот и умница.

Удовлетворенный Ся Цин хотел было поцеловать его, но Мо Мин ловко увернулся, снова растянувшись на кровати с телефоном.

— Ой, разрядился... Брат Ся, дай свой поиграть, — попросил он.

Находясь в плену нежных чувств, Ся Цин не нашел причин для отказа, хотя из осторожности всё же успел быстро удалить пару двусмысленных переписок с партнёрами, прежде чем передать гаджет.

Мо Мин продолжил лежать, листая новости, а Ся Цин устроился за гримерным столиком у двери, справляясь с обедом, который принес ассистент. Время от времени он поглядывал на юношу, и предвкушение сегодняшней ночи вызывало на его губах самодовольную улыбку.

В пять часов дня, когда Лю Хэкунь официально объявил съемки законченными, площадку захлестнула волна ликования.

Мо Мин сразу отпустил водителя и Сяо Суна, заявив, что после банкета доберется сам, а следующая встреча состоится уже на записи реалити-шоу.

Праздничный ужин накрыли прямо в отеле, где жила съемочная группа. В сияющем золотом зале на двадцать с лишним столов царил невообразимое оживление: тосты, смех и бесконечные разговоры.

Когда банкет начал подходить к концу, Ся Цин незаметно покинул зал. Он сел в машину, ожидавшую его у черного входа, и спустя десять минут из дверей медленно вышел Мо Мин. Он заметно пошатывался — видимо, изрядно перебрал. Ся Цин велел ассистенту помочь юноше забраться в салон.

— Сколько же ты выпил, — усмехнулся Ся Цин, притягивая обмякшего Мо Мина к себе и крепко обхватывая его за талию. — Как же мы будем развлекаться в таком состоянии?

Мо Мин лишь качнул головой и пробормотал:

— Брат Ся... не трогай... мутит... сейчас стошнит...

— Хорошо-хорошо, не трогаю. Вот доберемся до номера — там и разберемся.

Чтобы запутать возможных папарацци, Ся Цин заставил ассистента полчаса кружить по Чуаньхаю, прежде чем остановиться у нужного отеля.

С трудом дотащив полуживого Мо Мина до номера, Ся Цин тяжело дышал. Глядя на беспомощно раскинувшегося на постели юношу, он чувствовал, как сердце колотится от возбуждения.

В этом мальчишке удивительным образом сочетались невинность и порочность. Он выглядел так соблазнительно, что Ся Цин все последние дни только и думал о том, как заставит его подчиниться.

Смахнув пот со лба, актер сорвал с себя одежду и, бросив её на пол, скрылся в ванной.

Едва зашумела вода, Мо Мин открыл глаза. Он мгновенно перевернулся на живот и, достав из кармана телефон, сделал короткий, деловитый звонок.

Когда Ся Цин вышел из душа, Мо Мин уже сидел, прислонившись к изголовью. Его вещи были небрежно отброшены в сторону, одеяло доходило до подбородка, а щеки пылали от алкогольного жара. Он смотрел на актера широко раскрытыми, блестящими глазами, в которых читались страх и ожидание.

Ся Цин сглотнул, сорвал полотенце с бедер и забрался в кровать.

— А я думал, ты в беспамятстве. Оказывается, проснулся как раз вовремя, — он бесцеремонно схватил Мо Мина за подбородок, пытаясь поцеловать. — Ну же, иди ко мне, ты просто чудо...

Мо Мин отвернулся, пряча лицо.

— Брат Ся, ты правда будешь давать мне по сто тысяч в месяц? Не обманешь? — тихо спросил он.

— Конечно.

— Я не верю, — прошептал юноша. — Переведи сейчас. Чтобы я знал: даже если завтра ты меня бросишь, я не останусь в дураках.

Для Ся Цина это была сущая мелочь. Не раздумывая, он схватил телефон и в несколько касаний перевел сумму.

— Теперь ты спокоен, малыш?

Отбросив гаджет, Ся Цин навис над ним, собираясь сорвать одеяло, но в этот момент в дверь оглушительно и требовательно забарабанили.

Тело актера задеревенело от страха. Лицо мгновенно побледнело; он вскочил, натягивая брюки и набрасывая рубашку. Глянув в глазок, Ся Цин почувствовал, как сердце уходит в пятки.

Он бросился обратно к кровати, собираясь что-то в панике прошептать Мо Мину, но замер. Юноша спокойно сидел, прислонившись к спинке, и на его губах играла едва заметная улыбка.

Он был похож на маленькую змею, пробующую воздух языком...

Ся Цин словно провалился в кошмар. Даже когда он оказался в полицейском участке, оцепенение не прошло. Глядя на Мо Мина, который сидел неподалеку и, несмотря на утешения офицеров, продолжал беззвучно всхлипывать, актер наконец осознал всё до конца.

Его подставили.

Этот мальчишка, этот Мо Мин, его обставил.

В участок прибыли агент Ся Цина, адвокаты компании и специалисты по связям с общественностью. Ся Цин был «золотой жилой» Хунъи Медиа, и руководство было готово на всё, чтобы спасти его репутацию. Пока одни пытались заблокировать любые утечки в прессу, другие искали лазейки в деле. Высшее руководство компании задействовало все связи в полиции, но это лишь давало отсрочку — проблему нужно было решать в корне.

Ся Цин почти сорвал голос, доказывая свою невиновность:

— Он лжет! Он не был пьян до беспамятства! Он сам пошел со мной в номер!

— Это спектакль! Сплошное притворство!

— Он сам меня провоцировал, вешался на шею! Это он всё затеял!

Мо Мин не спорил. Он просто плакал, и слезы катились по его щекам еще обильнее.

Крикам Ся Цина никто не верил. Все знали, что Мо Мин — любовник Хань Шаочжоу. С какой стати такому парню зариться на какого-то Ся Цина?

Когда актер в ярости попытался броситься на юношу с кулаками, менеджер отвесил ему звонкую пощечину. Только это заставило Ся Цина замолчать.

Менеджер — мужчина лет тридцати с холодным, суровым взглядом — взял переговоры на себя. Он предложил Мо Мину компенсацию. Юрист понимал: при детальном расследовании прямых улик против Ся Цина может не хватить, но для топового артиста такой скандал — это политическая смерть. Чтобы сохранить позиции, нужно было замять дело немедленно. Сделать из этого «недоразумение» и разойтись миром. Если же Мо Мин откажется, компании придется идти ва-банк и заявлять о клевете, но даже в случае победы репутация Ся Цина будет безнадежно испорчена.

— Хорошо.

К всеобщему изумлению, Мо Мин согласился без колебаний. Он не выдвинул никаких условий и сам подошел к следователям, заявив, что всё произошедшее — не более чем ошибка.

Якобы он неправильно понял намерения Ся Цина, а тот вовсе не собирался его принуждать — они просто старые друзья, решившие переночевать в одном отеле. А он, Мо Мин, просто перебрал с алкоголем и в панике нафантазировал лишнего... После этих слов серьезное обвинение превратилось в нелепую неразбериху.

Мо Мин парой фраз вытащил Ся Цина из петли. Сам актер застыл в недоумении: зачем было так тщательно выстраивать ловушку, чтобы в последний момент разжать капканы?

Мо Мин покинул участок в одиночестве. Он не вызвал ни водителя, ни помощника. Его «спектакль одного актера», полный резких поворотов и драмы, тихо завершился под покровом ночи.

Менеджер Ся Цина перевел дух. С такими показаниями Мо Мина, зафиксированными на пленку, даже если он передумает, у защиты будет козырь.

Он хотел обсудить с юношей сумму отступных, но Мо Мин лишь бросил, что свяжется с ними позже, и сел в проезжавшее мимо такси.

Ся Цин еще раз пересказал менеджеру события того вечера. Тот изучил их переписку и, не найдя ничего компрометирующего, немного успокоился.

— Ты же знал, что он человек Хань Шаочжоу. О чем ты только думал?

— Он сказал, что они расстались. Что хочет быть со мной...

— Расстались? И ты ему поверил?

— ...Да даже если и нет, Хань Шаочжоу держит его только как заместителя Вэнь Цы. Я думал, узнай Хань об этом — просто вышвырнет его, и дело с концом.

Менеджер помрачнел:

— Это лишь твои домыслы. В этой ночи слишком много странностей. Сдается мне, этот Мо Мин... далеко не так прост, как кажется.

<http://bllate.org/book/15854/1436130>